

Еленинский стих

От моря-моряшка от синяго,
От синяго моря Студенаго,
От озера Маслеева,
Собиралися калики перехожие —
Сорок калик со каликою.
Собиралися ко кресту Леванидову,
Еще клали они заповедь великую,
Великую заповедь тяжелую:
«Не ходить нам к царям, царевичам,
Не ходить нам к королям, королевичам;
Кто из нас, братцы, заворует,
Кто из нас, братцы, заплутует,
Кто из нас, братцы, за блудом пойдет,
Нам судить таковаго своим судом:
Нам копать таковаго в землю по поясу,
Речист-де язык да тянуть к темени,
Очи-де ясныя — косицами,
Ретиво-то сердечушко — плечьми!»
Пошли-то калики по чисту полю,
День идут и другой идут.
Навстречу каликам идет Владимир-князь.
Не доехал до калик — он с коня сошел,
Со коня сошел, низко кланялся:
«Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Вы калики перехожие,
Здравствуй-ко, Дунай сын Иванович,
Здравствуй-ко, Касьян сын Иванович,
Здравствуй-ко, Михайло сын Михайлович!»
Тех-то калик лучше, краше нет:
Платье на них — словно маков цвет,
Сумочки были лита бархата,
Подсумочки были хрусчатой камки.
«Гой еси, удалы добры молодцы!
Спойти-ко мне Еленинский стих —
Захотелось мне от вас послушати!»

Уж и тут калики не ослушались:
Во сыру землю копыца потыкали,
Запели калики Елининский стих;
Запели, захотали в пол-крик;
Земля-то мати потрясалася,
Во озерах воды всколыхались,
Темные леса пошатались,
На горах-де сыры дубы выгибались.
Не может Владимир стоячи стоять,
Не может Владимир сидючи сидеть,
Не может Владимир лежучи лежать;
Увалился его Алешинько-извощичек,
Увалился его Добрынюшко-запятничек,
Говорил им Владимир таковы слова:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы,
Не могу я стоячи стоять,
Не могу я сидючи сидеть,
Не могу я лежучи лежать —
Увалился мой Алешинько-извощичек,
Увалился мой Добрынюшко-запятничек —
Уж вам полно петь Еленский стих!»
Вставали калики на резвы ноги,
Брали сумочки бархатная,
Пошли калики во чисто поле.
Уж и тут Владимир возговорил:
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
Пойдете вы мимо крашен Киев-град —
Приворачивайте-ко к молодой княгинюшке Апраксие!
Милости просим хлеба-соли есть,
Хлеба-соли есть, да пива с медом пить!»
Пошли те калики по чистому полю;
День они идут и другой идут —
Доходят они до палат княженских,
Ко тое ли околени стеклянная.
Запросили они милостинку Христа ради,
Для-ради Христа, Царя Небеснаго.
Попросили они в пол-крику:
Земля-то мати потрясалася,
На озерах вода всколыхалася,

На столах-то кушанья всплескались,
Муравлены печки помитусились.
Услыхала тут княгинюшка Апраксия,
Высовывалась она в окошечко по поясу:
«Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы!
Вы калики перехожие,
Здравствуй-ко, Дунай сын Иванович,
Здравствуй-ко, Касьян сын Иванович,
Здравствуй-ко, Михайло сын Михайлович!
Просим милости хлеба-соли есть,
Хлеба-соли есть, да пива с медом пить
Ко молодой княгине ко Апраксии!»
Заходили калики на красно крыльцо —
Ступешек до ступешка догибается;
Заходили калики на новы сени —
Новы сени выгибалися;
Заходили калики в светлу гридню —
Уж и крест кладут они по-писаному,
Уж и поклон ведут да по-ученому:
«Уж ты здравствуй-ко, княгинюшка Апраксия!»
Заходили они за столы за дубовые,
За те скатерти за перчатныя,
За те же за кушанья сахарныя.
Тут калики поели, покушали,
Белыя лебедушки порушали.
Выходили из-за столов дубовых,
Выходили из-за скатертей перчатных —
Уж и крест кладут по-писаному,
Уж и поклон ведут по-ученому:
«Благодарствуй, княгинюшка Апраксия!» —
«Уж вы гой еси, удалы добры молодцы!
Уж и день идет ко вечеру,
Уж и солнышко клонится к западу,
Не пора ли вам, калики, опочив держать?
Выведу я вас да по единому!»
Стали калики да опочив держать —
Развела она их да по единому.
Брала к себе Михайла Михайловича,
Ложила его на кроваточку тесовую,

Ложила его на периночку пуховую,
На подушечки тяжелыя,
Под то одеялышко соболиное.
Случилось ночи во первом часу —
Соходила княгинюшка со печки со муравленья,
Ложилася на кроваточку тесовую.
На ту перину на пуховую,
На те подушечки тяжелыя,
Под то одеялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка к ретиву сердцу.
«Уж ты гой еси, Михайлушка Михайлович!
Ты влюбись-ко-ся в меня, княгиню Апраксию,
Ты наймись-ко-ся к князю Владимиру во работники.
Уж мы станем с тобой заедино жить,
Заедино жить, да любовь творить!» —
«Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксия!
У нас складена заповедь великая,
Великая заповедь тяжелая:
Не ходить нам к царям, царевичам,
Не ходить нам к королям, королевичам,
И кто из нас заворуется,
И кто из нас заплутуется,
И кто из нас за блудом пойдет —
Нам судить такого своим судом:
Нам копать такого в землю по поясу,
Речист-де язык да тянуть к темени,
Очи ясныя — косицами,
Ретиво сердечушко — плечьми!»
Ушла княгиня на ту печку на муравленную.
Случилось ночи во втором часу —
«Соходила княгинюшка со печки со муравленья,
Ложилася на кроваточку тесовую,
На ту перину на пуховую,
На те подушечки тяжелыя,
Под то одеялышко соболиное,
Накинула на Михайлушка ручку правую,
Прижала Михайлушка к ретиву сердцу.
«Уж ты гой еси, Михайлушка Михайлович!

Ты влюбись-ко-ся в меня, княгиню Апраксию,
Ты наймись-ко-ся к князю Владимиру во работники.
Уж мы станем с тобой заедино жить,
Заедино жить, да любовь творить!» —
«Ты поди-ко прочь, княгинюшка Апраксия!
У нас складена заповедь великая,
Великая заповедь тяжелая:
Не ходить нам к царям, царевичам,
Не ходить нам к королям, королевичам.
И кто из нас заворуется,
И кто из нас заплутуется,
И кто из нас за блудом пойдет —
Нам судить такого своим судом,
Нам копать такого в землю по поясу,
Речист-де язык да тянуть к темени,
Очи ясныя — косицами,
Ретиво сердечушко — плечьми!»
Ушла княгиня на ту печку на муравленую.>
Случилось ночи во третьем часу
(Заспал тут Михайлушка крепким сном) —
Соходила княгиня со печки со муравленья,
Брала тут сумку лита бархата.
Разшила, растягала сумку бархатную,
Клала в нее братыню серебряную,
Из которой братыни князь с приезда пьет,
Зашила, застегала сумку по-старому.
Вставали калики рано поутру,
Ключевой водой умывались,
Тонким, белым полотенцем утирались;
Снарядилися калики перехожие,
Пошли калики во чисто поле.
Приехал тут Владимир-князь:
«Уж ты гой еси, княгинюшка Апраксия!
Где моя братынюшка серебряная,
Из которой я с приезда пью?» —
«Уж ты гой еси, Владимир-князь!
Ночевали у нас калики перехожие —
Украли у нас братынюшку серебряную!»
Кому была служебка надмечена?

Алешиньке была служебка явлена:
«Поезжай-ко ты, Алешинька, во чисто поле,
Состыги ты калик да во чистом поле,
Отбери у них братынюшку серебряную!»
Не видали поездки богатырския,
Только видели: во чистом поле курево стоит,
Курево стоит, дым столбом валит,
Из ушей, из ноздрей коня пламя огненное.
Выехал Алеша на шеломя окатистое,
Посмотрел Алеша в трубку подзорную
Да на все четыре дальния сторонки —
И завидел калик да на чистом поле,
Завыл-закричал громким голосом:
«Уж вы гой еси, калики перехожие!
Ночевали вы у князя Владимира —
Украли братынюшку серебряную!..»
Уж и тут каликам за беду стало,
За великую досаду показалось.
Подождали Алешиньку близко-наблизко,
Хватали Алешиньку со добра коня,
Алешиньке штанишки пообтыкали,
Нахлопали Алешиньке жопеночку, сколько надобно,
Посадили Алешиньку на добра коня,
Привязали Алешиньку ко стремянам:
Едва-едва он на коне сидит,
Идет конь ступью бродовою.
Выходил Владимир на высок балкон,
Смотрел Владимир в трубку подзорную.
Увидал, что Алешинька едва на коне сидит,
Идет конь ступью бродовою.
Доезжает Алешинька ко Владимиру:
«Уж ты гой еси, Владимир стольно-киевский!
Как догнал я калик да во чистом поле,
Зазычал я, закричал громким голосом:
„Уж вы гой еси, калики перехожие!
Ночевали вы у князя Владимира —
Украли братынюшку серебряную!” —
Уж и тут пождали меня близко-наблизко,
Хватали меня со добра коня;

Уж и мне штанишки пообтыкали,
Нахлопали жопенку, сколько надобно;
Посадили меня на добра коня,
Да и привязали меня ко стремянам!..»
Кому служебка была подмечена?
Добрынюшке была служебка явлена:
Выехал Добрынюшка на шеломя окатистое,
Завидел калик да во чистом поле.
Объехал Добрынюшка дорожками посторонними,
Едет он каликам навстречу,
Не доехал — со коня сошел,
Со коня сошел, низко кланялся:
«Уж вы здравствуйте, калики перехожие!
Не попалась ли как к вам братынюшка серебряная,
Из которой братыни князь с приезде пьет?..»
Тут калики друг на друга осердились
И стали по сумочкам похаживать.
Доходят до сумочки Михайлушки Михайловича,
Расшили сумочку лита бархата
И вымали братынюшку серебряную —
Отдали ее Добрынюшке Никитичу,
И уехал Добрынюшка Никитич млад.
И стали они казнить Михайлушку своим судом:
И копали его в землю по поясу,
Речист-то язык тянули к темени,
Очи ясныя — косицами,
Ретиво-то сердечушко — плечми.
И отъехали они близко-наблизко —
Идет Михайлушка здоровешенек.
Казнили они его во второй након —
Идет к ним Михайлушка по-прежнему.
Казнили они его в третий након —
Идет Михайлушка по-прежнему.
Подождали тут Михайлушку.
«Уж ты гой еси, Михайлушко Михайлович!
Уж и как тебе попалась братынюшка серебряная?» —
«Ночевал я у княгинюшки Апраксии
И случилось ночи во первом часу...
.....

И положила она мне братынюшку понасердке».
Тут калики распростилися.
Пошли калики во чисто поле,
День идут и ночь идут.
Дошли калики до Иерусалима-града;
Тут они Богу помолилися,
На плакуне-траве покаталися,
Во Иордане-реке искупалися.
Тут калики все представились.

(Зап. А. М. Никольским, вероятно, в 60-е гг. XIX в.: г. Мезень.)

Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 2: Народная словесность // Изв. ИОЛЕАЭ. М., 1878. Т. 30, вып. 2.